

УДК 325.2

*Лазарева С.И., Сергеев О.И.***Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в.****Political activity of the Russian emigrants in China
in 20 – 40th years of XX**

Данная статья – опыт систематического анализа основных течений общественно-политической жизни российской эмиграции в Китае, её идеологии в 20 – 40-е годы XX в. Подробно характеризуются особенности дальневосточной политической эмиграции, её отличия от европейской, определяются цели и задачи, которые эмигранты ставили перед собой. Значительное внимание уделяется таким эмигрантским организациям, как ХКПРБ и БРЭМ, раскрывается их роль в адаптации эмигрантов к новым условиям.

Ключевые слова: *российская эмиграция, политические организации, Харбинская библиотека, казачьи землячества, церковные приходские советы, геополитика, патриотизм, фашизм*

The given article is the experience of the regular analysis of main currents of political life of the Russian emigration in China, its ideology in 20 – 40th years of XX century. The authors characterize in detail features of the Far East emigration, its difference from European, define the purposes and the problems which emigrants put before themselves. The considerable attention is given to such emigrant organizations as HKPRB and BREM, their role in adaptation of emigrants to new conditions reveals.

Key words: *the Russian emigration, the political organizations, Harbin library, Cossack землячества, church parish councils, geopolitics, patriotism, fascism*

Русское Зарубежье XX в. – явление уникальное в мировой и отечественной истории. Мощный социальный взрыв 1917 г. выбросил за пределы России к началу 20-х гг., по различным подсчётам, от двух до трёх миллионов человек. Большинство русских беженцев принадлежало к культурной и политической элите Российской империи, что и предопределило беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, кото-

---

ЛАЗАРЕВА Светлана Ивановна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения (г. Владивосток).

СЕРГЕЕВ Олег Игоревич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения (г. Владивосток).

рые были созданы в Зарубежье всего за несколько десятилетий. Вполне естественно, что культурная история Русского Зарубежья своей неоспоримой значительностью заслоняла, отодвигала на второй план её политическую историю. Однако без учёта политических реалий невозможно полноценное изучение культуры Русского Зарубежья, особенно это относится к дальневосточной эмиграции, которая имела свои специфические особенности в общественно-политической сфере.

Национальная разнородность харбинской эмиграции переплеталась с её политической, культурной, имущественной и конфессиональной неоднородностью. В этой связи имела место различная политическая ориентация – от полнейшего отрицания советской власти и её государственного строя до легитимистских настроений и готовности сотрудничать с Советами во имя возрождения Отечества; наличие различных слоёв с точки зрения образованности, способности к восприятию и воспроизводству культуры; от обывателей, постепенно утрачивавших национальное самосознание на основе адаптации к инонациональной среде, до представителей культурной элиты, создавшей образцы интеллектуального труда, обладавшими как национальными, так и общечеловеческими ценностями. В среде харбинской эмиграции выделялись отдельные предприниматели, имевшие фирмы, магазины, гостиницы, но основная масса относилась к людям ниже скромного достатка. Конфессиональный состав был представлен различными группами верующих, но большинство составляли православные. Харбинская эмиграция не была однородной и по профессиональной принадлежности.

Беженцы, не имеющие ни средств, ни полноценного правового статуса, встали перед задачей организации новой инфраструктуры для жизни на чужбине. В начале 20-х годов ими было создано свыше 100 различных общественных политических и профессиональных организаций. Создание их шло разными путями. Одни союзы образовались от думских партий: социал-демократы (меньшевики), эсеры, кадеты. Возникновение других, таких как Российский общевоинский союз (РОВС) было связано с непосредственным ответом на революцию в России. Одни пылали ненавистью к коммунизму и вели активную борьбу против советской власти, как Дальневосточный корпус русских добровольцев. Другие, например, партия младороссов, пытались найти путь к разрешению судьбы России через слияние нескольких политических платформ (монархия и советы). В противовес образованному в СССР комсомолу был создан союз мушкетёров, действовала местная организация «Братство русской правды» и др.

Политические организации российской эмиграции в Китае можно разделить на две группы: местные и те, что были филиалами соответствующих партий и союзов, действовавших в странах Европы и Америки. Из последних следует назвать Дальневосточный отдел Русского общевоинского союза (РОВС) в Шанхае, возглавлявшийся ген. М.К. Дитерихсом и ген. Г.А. Вержбицким; Трудовую крестьянскую партию во главе с Грачевым (с центром в Праге, где лидерами были бывшие эсеры Маслов и А.А. Аргунов). Харбинская группа этой партии была чрезвычайно малочисленной, но её пражская газета «Крестьянская Россия» пользовалась в Китае большой популярностью и имела многочисленных подписчиков. Примером «примиренческих» организаций являлась партия «Младороссов» («Молодая Россия»), создателем и бессменным лидером которой в Париже был А.А. Казем-Бек, а харбинским отделением руководил Долматов. Совершенно непримиримую позицию в отношении большевизма занимало «Братство русской правды» (БРП) (с центром в Париже и Верховным советом во главе с ген. П.Н. Красновым). В Китае «Братством» руководили генералы П.Г. Бурлин и В.Д. Косьмин; БРП

вплоть до середины 30-х годов использовало на Дальнем Востоке методы партизанской борьбы против советской власти. [4, с. 73].

Среди местных политических партий и организаций можно выделить Лигу свободы и прав человека и гражданина, частично финансирующуюся Г.М. Семёновым; Семёновский дальневосточный союз казаков, возглавлявшийся ген. А.П. Бакшеевым; Дальневосточный корпус русских добровольцев – группу, ведущую активную вооружённую борьбу против советов на территории Приамурья и Приморья, во главе которой стоял ген. Н.П. Сахаров; крайне правый Монархический центр (кн. Кропоткин); Союз легитимистов (под председательством ген. В.А. Кислицына), Союз легитимистов не признавал руководства Парижского союза, выступал за возведение на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. Крупной и наиболее влиятельной религиозно-политической организацией было Иверское Свято-Богородицкое братство, активно проводившее антибольшевистскую пропаганду, а в Шанхае – русское Православное братство. [4, с. 73].

Основной стратегической задачей всех организаций было свержение коммунистического режима в СССР, а важнейшей составной частью её являлась агитационно-воспитательная работа с эмигрантами, направленная на формирование у них «великороссийского государственного мышления». Значительное место уделялось рассмотрению вопросов о путях и методах государственного устройства будущей новой России после свержения тоталитарного режима. В проводимых дискуссиях высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от оптимистической – быстрой трансформации советской власти в нормальную демократическую систему, и до мрачной констатации прочности большевистского режима и вытекающей из этого невозможности политических перемен в России в ближайшем будущем.

У русских эмигрантов Китая и Европы планы решения политической задачи – возрождения «новой» России, её исторической миссии – имелись как созвучные мысли, так и существенные различия. Последние во многом определялись особенностями дальневосточной политической эмиграции. Во-первых, в Китае не было таких именитых руководителей политических партий, как в Европе. Лидеры монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и других партий обосновались в городах Европы – Праге, Берлине, Париже и др. Во-вторых, партии, группы и организации здесь были малочисленнее, чем в Европе. Основные силы старых политических партий уехали в Европу в 1918-1920 гг., в то время как на Дальнем Востоке они стояли ещё у власти или входили в состав демократических правительств. И только в конце 1922 г. вынуждены были эмигрировать в Китай. В-третьих, политическим партиям и общественно-политическим организациям пришлось работать в условиях тоталитарного режима, который был во многом схож с режимом на родине. Всё это, несомненно, накладывало отпечаток на политическую жизнь российских эмигрантов в Китае.

Российская эмиграция видела себя активной политической силой, которой ещё предстояло решать судьбы России. Поэтому эмиграция ставила своей тактической целью – сохранить себя в условиях «беженства» как социально-экономическое, культурное и военно-политическое движение со своим видением новой России, которую предполагалось построить после свержения большевизма.

Однако активной политической деятельностью на чужбине занимались немногие: по разным источникам – 3-5 % всех эмигрантов. Именно эта часть, уходя в изгнание, ставила перед собой конкретные политические цели: бороться за политические перемены на родине, освободиться от коммунистического режима. Пути и средства достижения этих целей у разных течений политической эмиграции были различны: от белого

террора до мирного перерождения большевизма. Но тактика эмигрантских партий и организаций менялась с учётом изменений внутренней и международной обстановки в СССР.

Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Уже в 20-е годы в Харбине и других городах Северо-Восточного Китая появились монархические группы и организации. Среди них «Орден крестоносцев» (рук. генерал Березовский), «Легитимисты», «Народно-монархическая партия» (председатель – генерал В.Д. Космин), «Военно-монархический союз» и др.

Гибель многих прежних партий, дореволюционного мирозерцания привела к появлению течений и организаций, принявших рождение нового государства. Ещё в годы гражданской войны наиболее дальновидные представители интеллигенции предложили сменить тактику по отношению к советской власти.

Именно здесь профессором Русского юридического факультета г. Харбина Н.Я. Устряловым впервые была высказана мысль об отказе от вооружённой борьбы с советской властью и необходимостью идти на сотрудничество с ней с целью восстановления могущества Российского государства. Возникло целое течение в российской эмиграции – сменовеховство. В Харбине сменовеховцы выпускали газету «Новости жизни», журнал «Назад», альманах «Русская жизнь». Однако они не нашли понимания среди эмигрантов. Жизнь показала, что идеи сменовеховцев в ближайшей перспективе были утопичны, но они носили патриотический характер, отражали процесс осознания частью российской интеллигенции трагедии народа и поиск путей выхода из неё.

И здесь же, в Харбине, в 1931 г. сформировалась Русская фашистская партия (РФП). У истоков РФП стояли представители молодого поколения российской эмиграции во главе с К.В. Родзаевским, которые противопоставили себя старшим политикам, заявляя, что исправят допущенные теми ошибки и совершат в России «национальную революцию». Одну из предпосылок образования фашистской партии следует видеть в социальном положении эмигрантской молодёжи. В отличие от Западной Европы, где молодое поколение россиян успешно адаптировалось к новым условиям жизни, в Маньчжурии оно составляло основную часть безработных (25 % всего трудоспособного населения). Находясь в чуждой национальной, культурной, религиозной среде, политически бесправная, разочарованная в белом движении молодёжь потянулась к идеологии фашистов. Следует не забывать и тот факт, что именно антисоветизм эмигрантов дал повод говорить об идейном родстве с фашизмом, который с начала 20-х годов стал главным противником коммунизма в мировом масштабе. Пользуясь покровительством японских властей, РФП распространяло свои ячейки во многих районах Китая и в Японии, активизировала провокационную деятельность против СССР. Однако в целом в среде российских эмигрантов популярность РФП была невелика.

В противовес западной эмиграции, где в 30-х годах в основном заглохли идеи организации вооружённой интервенции против СССР, в Северо-Восточном Китае дольше, чем где-либо, жила иллюзия возможности её осуществления. Этому способствовала концентрация в Маньчжурии Квантунской армии, в планах которой отводилось определённое место русским эмигрантам, а также возможность непосредственного выхода на весьма протяжённую советско-китайскую границу. Монархически настроенные руководители эмиграции готовы были идти на расчленение России с помощью японской военной силы. Японские власти обещали им в будущем «буферном» государстве участие в правительстве.

В 1935 г. В.А. Кислицын основал «Дальневосточный союз военных», при котором были созданы: учебная команда для подготовки унтер-офицеров, военное училище для молодёжи, курсы старшего командного

состава. В 1939 г. в союзе насчитывалось около 11,5 тыс. чел., в т.ч. 126 сестёр милосердия, 4 военизированных отряда так называемых «потешных» (входили дети от 7 до 11 лет). Одновременно атаман Г.М. Семёнов пытался объединить казачество, проживавшее в Маньчжурской империи, в «Союз казаков на Дальнем Востоке», в состав которого входило более 20 тыс. чел. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 9).

Эмиграция лишила русских людей того, что их объединяло в одно целое – государство, но не уничтожила у них стремление к единству. В этой ситуации особое значение приобретала способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), созданный в 1923 г. (просуществовал до 1945 г.). Инициаторами в организации Комитета явились общественные деятели – члены национальных съездов, Земского Собора и др.

В первое правление ХКПРБ в 1923 г. вошли известные в то время представители общественности: Г.Н. Худаев, Н.В. Кожин, Д.В. Мурзаев, бывшие генералы Н.Г. Рачков, М.М. Плешков и др. Почётными членами были избраны: бывший генерал-губернатор Приморья Н.Д. Гондати, бывший управляющий КВЖД Д.Л. Хорват, митрополит Мефодий. Председателем Президиума Правления стал генерал И.Ф. Шильников. В первое время число членов ХКПРБ не превышало 60-70 чел. (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 115. Л. 9-11). Постепенно ХКПРБ разросся в крупную организацию и к 30-м годам в составе его правления были представители почти всех русских эмигрантских организаций в Маньчжурии.

Существенной частью работы ХКПРБ являлась общественная деятельность, наиболее активно проводимая в начале 30-х годов: Комитетом созывались совещания национальных общественных организаций для решения внутренних эмигрантских вопросов. Члены Комитета собирали и публиковали материалы, дискредитирующие деятельность III Интернационала и советской власти, выступали с протестами против признания СССР, пропаганды безбожия и уничтожения церкви и т.д.

В связи с возросшим советским влиянием в полосе отчуждения после признания СССР Китаем требовалась большая осторожность, также и в проведении общественно-политических мероприятий. Однако вся проводимая в то время ХКПРБ работа играла важную роль в объединении эмигрантских сил и улучшении общественной деятельности среди эмигрантов. Это дало свои результаты. В 1929 г. в состав ХКПРБ входило уже свыше 70 организаций. Пик деятельности Комитета приходится на 1929-1932 гг. В этот период его состав был наиболее многочисленным: 1930 г. – 290 чел., 1932 г. – 285 чел. Резко активизировалась его общественно-политическая и благотворительная деятельность. Комитетом была оказана большая помощь пострадавшим во время советско-китайского конфликта на КВЖД и наводнения 1932 г. Членами Комитета только в 1932 г. было роздано пострадавшим 7056 предметов одежды и 1556 пар обуви. В двух общежитиях – Модягу и Госпитальном городке – были предоставлены места 808 чел. Выдано 30893 хлебных пайка и столько же порций горячей пищи (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 115. Л. 9-11).

В состав ХКПРБ вступили казачьи землячества – «Забайкальская станица», «Амурская станица», «Уссурийская станица» и т.д. Членами ХКПРБ стали Русское студенческое общество, ДальОРОВУЗ (Дальневосточное объединение русских, окончивших вузы), Союз русских девушек, Торгово-промышленный союз и др. Это способствовало росту числа членов ХКПРБ до 547 чел.

Во вновь избранное 29 апреля 1929 г. Правление вошли известные в то время общественные деятели: П.А. Алмазов, Ф.М. Власов, С.И. Долов и др. Председателем нового Правления ХКПРБ стал руководитель

торгово-промышленного союза (ТПС) В.И. Колокольников.

Несмотря на скромные возможности, ХКПРБ на протяжении всего периода своего существования оставался единственной устойчивой благотворительной организацией в Маньчжурии. Харбинский комитет оказывал эмигрантам бесплатную медицинскую помощь, проводил бесплатные обеды в своих столовых, выделял нуждающимся небольшие денежные ссуды. Членами комитета готовились и проводились вечера, концерты, лотереи, ежегодно – «День русской культуры», «День русского ребёнка». Собранные от проводимых мероприятий средства шли на оказание помощи эмигрантам, оплату обучения их детей в школах и гимназиях. В 30-е годы Комитет отпускал средства на открытие и содержание школ, харбинской библиотеки, насчитывающей в 1932 г. более 5200 книг. С 1932 г. отделения ХКПРБ были открыты в 5 пунктах по линии КВЖД. После 1933 г. деятельность ХКПРБ стала угасать в связи с недостатком материальных средств.

Кроме ХКПРБ, заботу об эмигрантах осуществляли мужские и женские монастыри, церковные приходские советы, Общество инвалидов, Дамские кружки при различных организациях, родительские комитеты при учебных заведениях. В начале 30-х годов в Харбине действовали не менее 13 благотворительных организаций. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 285. Л. 131).

Положение российских эмигрантов в Маньчжурии в конце 20-30-х годов осложнилось острыми противоречиями внешнеполитического характера между СССР и Японией, связанными с Китаем, который, в свою очередь, раздирался внутренней борьбой. В 1932 г. в результате агрессии Японии в отношении Маньчжурии здесь было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Так было положено начало реализации японской геополитики, в основе которой был принцип Ван-Дао («Императорский путь»). Суть его заключалась в провозглашении Японии первым государством на земле, а японцев единственной здесь божественной нацией. Согласно этому принципу японцам было предопределено господствовать над всеми народами.

В осуществление своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти делали ставку на эмигрантское население страны, более всего страдавшего от произвола прежних китайских властей. Обещая эмигрантам обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали в их лице иметь союзника для реализации своих планов. Особый интерес для японских властей представляла российская колония. Учитывая антисоветские настроения эмиграции, оккупанты рассчитывали использовать её для борьбы с СССР. Подчёркивая, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на её территории, японцы выражали своё сочувствие и к русским эмигрантам, покинувшим родину из-за непримиримости к коммунизму. [2, с. 7].

Правителем Маньчжоу-Го был назначен представитель Цинской династии Пу-и, но реальная власть сосредоточилась в руках японских оккупационных властей. 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было провозглашено империей, а Пу-и императором. В связи с этим государство получило название Маньчжоу-Ди-Го.

К оккупации японцами Маньчжурии российские эмигранты относились по-разному. Часть из них увидела в происходящем начало больших событий, которые так долго ожидались ими. Ожидания эти были связаны с падением власти Чжан Сюэляна, разжигавшей шовинизм и не противодействующей, по их мнению, «советизации» Маньчжурии. Среди них были фашисты Родзаевского, атаман Семёнов и его единомышленники, а также агрессивно настроенные к СССР белоэмигранты, увидевшие в

Японии силу, способную противостоять коммунизму и большевистскому режиму в СССР, дающую возможность возвращения на родину.

Для идеологической обработки русских эмигрантов стала выходить ежедневная газета «Харбинское время». Как отмечала Л. Хаиндрова, сотрудничать в ней стали те из русских, кто отличался крайними, для большинства эмигрантов неприемлемыми взглядами, а также люди, заведомо непорядочные, давно махнувшие рукой на собственную репутацию. [7, с. 85].

Старшее поколение эмигрантов, знавшее японцев по гражданской войне, отнеслось к ним неприязненно. Так, не выразили восторгов Н.Л. Гондатти, генералы Дитерихс и Вержбицкий.

Если фашистская газета «Наш путь» проводила антикитайскую агитацию, обрушивалась на тех, кто не высказывал готовность служить новым властям, то большинство эмигрантской прессы реагировало на происшедшие события осторожно: не давая им политической оценки, ограничивалось лишь констатацией фактов, руководствуясь при этом принципом полного невмешательства в политическую жизнь чужой страны.

Социально-пёстрая и политически разрозненная эмигрантская масса не могла быть надёжной опорой новой власти. Однако в создавшейся обстановке многие русские эмигранты вынуждены были пойти на службу японцам и принять их так называемый «новый порядок».

Правительством и военными кругами Японии долго вынашивался план создания Великой Восточной Азии под её управлением, или, как называлось в официальных документах, «создание сферы взаимного процветания народов Восточной Азии». Поэтому основной задачей выдвигалось объединение и воспитание эмигрантов на новой идеологической основе, привлечение их к строительству «нового порядка» в Азии, а затем и в азиатской части России.

На русских эмигрантов оказывала давление и советская власть, зная враждебное их отношение к советскому режиму и боясь к тому же вторжения белых войск в Приморье, Забайкалье и Приамурье. Ответные меры эмигрантов лишь закрепляли их изоляцию от Родины, уменьшали и сводили на нет надежды на возвращение.

Вместе с тем, с середины 30-х годов под влиянием изменившейся военно-политической обстановки в Маньчжурии в общественно-политической жизни эмигрантов стали проявляться новые тенденции: возрождение русского патриотизма, отрицательное отношение к фашизму, с которым связывалась агрессивная, захватническая политика Японии. Шло политическое расслоение эмигрантов, основанное на отношении к советской власти, олицетворяющей собой Родину. Забота о жизненных, государственных интересах Родины постепенно побуждали многих из них оставить непримиримость к Советской России. Эти настроения не могли быть незамеченными японскими оккупационными властями в Маньчжурии.

Японское командование решило сразу поставить под контроль все эмигрантские организации, подавить патриотические настроения. Этому способствовало создание 25 июля 1932 г. «Кио-Ва-Кай» (Общества согласия), целью которого считалось воспитание в людях верности Маньчжоу-Го и борьба с национальной разобщённостью. По замыслу японской власти Кио-Ва-Кай должна была вести идеологическую обработку населения в прояпонском духе и создать «систему последовательной японизации всех сторон жизни, быта, культуры и образования на оккупационной территории». (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 285. Л. 288).

Работа с населением велась через сеть органов Кио-Ва-Кай, подчинённых Центральному штабу. Кио-Ва-Кай пыталась распространить свою деятельность на все категории населения. Постепенно Кио-Ва-Кай

вобрало в себя все политические, общественные и культурные организации Маньчжурии и подчинило их себе, установив тотальный контроль за русским населением через японских «советников» с неограниченными возможностями. Фактически «Общество согласия» было инструментом пропаганды идеологии «нового порядка» в Восточной Азии, опорой государства.

После заключения антикоминтерновского пакта пресса Маньчжоу-Ди-Го опубликовала Декларацию Кио-Ва-Кай о борьбе с коммунизмом, в которой Коминтерн и компартия объявлялись заклятым врагом мировой справедливости. Звучал призыв к уничтожению коммунистов. [8, с. 11-13]. В документах Кио-Ва-Кай говорилось, что сокрушить Коминтерн и остановить распространение коммунистических идей в Восточную Азию, а затем во всём мире можно, лишь уничтожив большевистский режим в СССР, являющийся оплотом коммунистических сил всего мира. Именно с этим связывались «особые задачи», стоящие перед российской эмиграцией.

Важную роль в выполнении этих задач играли дружины Кио-Ва-Кай, созданные в 1938 г. Они стали опорными пунктами японского правительства на местах. Членами дружин в 1940 г. стали 4 тыс. чел., в том числе 2 тыс. женщин. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 84). При Кио-Ва-Кай были созданы детские и юношеские организации – Сионэндан (Союз мальчиков – 10-15 лет), Сейнэндан (Союз юношей – 16-25 лет), подчинявшиеся местным штабам Кио-Ва-Кай при народных и повышенных народных школах. К концу 30-х годов появились школьные организации Сионэндай, которые проводили большую воспитательную работу среди молодёжи в духе «нового порядка».

Перед японскими властями стояла задача объединения российских эмигрантов в единое целое под эгидой сильной политической организации, Они делали ставку то на Союз монархистов-легитимистов, то на РФП, то на Союз казаков на Дальнем Востоке.

В марте 1934 г. открылся русский отдел «Дайнихон сейгидан» (Великояпонский союз справедливости) под названием «Русское национальное объединение борьбы за правду» (РНОБП). (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 9, 10, 12). Однако уже в середине 1934 г. РНОБП перестал существовать из-за разногласий как среди руководителей белоэмигрантов, так и среди японских органов, шефствовавших над РНОБП.

В сентябре 1934 г. в прессе появилось сообщение о проекте создания «Русского гражданского общества», которое, по замыслу его инициаторов, могло стать авторитетным представительным органом, играть роль эмигрантского консульства [5].

Идею создания такого общества поддержала одна из самых авторитетных и влиятельных организаций Харбина – ХКРПБ, но объединения не произошло. Причины были одни: претензии отдельных партий на ведущую роль внутри диаспоры, неспособность преодолеть идеологические распри; отсутствие лидера или партии, пользующихся авторитетом и способных сплотить всех эмигрантов.

В конце концов японцы решили вопрос в административном порядке. 28 декабря 1934 г. был создан специальный орган – Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (в 1940 г. переименован в Главное Бюро по делам российских эмигрантов), наделённый в отношении русских эмигрантов известными административными функциями. Он был связующим звеном между эмигрантскими массами и правительственными и административными инстанциями японцев, через который они осуществляли контроль за русским населением. Истинным мотивом к организации БРЭМа явилось стремление направить жизнь русской диаспоры в удобное для японской политики русло. Стоявшие во главе БРЭМа начальники (А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын, Л.Ф. Власьевский и др.) играли

чисто декоративную роль, фактическими руководителями были японцы. Однако БРЭМ как общеэмигрантский центр, созданный японскими властями и зависимый от них, стал, тем не менее, своеобразным эмигрантским правительством, сыгравшим значительную роль в судьбе российской диаспоры в Китае, аналогов которому в русском зарубежье не было.

Финансовые средства на содержание Бюро выделялись японскими властями как благотворительный акт, вызванный якобы симпатией и сочувствием к российским эмигрантам, оказавшимся на чужбине в труднейших условиях существования.

БРЭМ обязан был обеспечить единство эмигрантов и подготовить их к борьбе с Коминтерном за возрождение России, возможное при установлении японского «нового порядка» в Восточной Азии. Он осуществлял политический надзор за эмигрантами, вёл учёт населения, регистрировал передвижение эмигрантов по стране. Весомую роль в БРЭМе играли фашисты: В.К. Родзиевский руководил культурно-просветительным отделом, который должен был способствовать внедрению японской идеологии в сознание эмигрантов; Н.А. Матковский являлся начальником административного отдела, занимавшегося организацией агентурной сети для разведывательной и контрразведывательной деятельности.

На конец 1935 г. при БРЭМе было зарегистрировано 23 500 чел., из них 12 273 чел. мужчин и 11 227 чел. женщин. На станциях Пограничная – 1 366 чел. (783 мужчины и 583 женщины), Ханьдаохэцзы – 1 266 чел. (729 мужчин и 537 женщин), Цицикар – 353 чел. (186 мужчин и 167 женщин). (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 42, 43).

Эмигрантское население могло работать только в тех организациях, которые были зарегистрированы в БРЭМе. На начало 1935 г. на учёте в Бюро состояли 128 организаций по следующим категориям: политических – 2, общественных – 37, научных и профессиональных – 26, бывших военных – 18, организаций молодёжи – 19, благотворительных – 15, церковных приходов и духовных общин – 11. На 15 декабря 1935 г. в Бюро насчитывалось уже 163 организации.

К осени 1936 г. отделения Бюро работали в Дайрене, Синьцзине, ст. Маньчжурии, Трехречье, Хайларе, Бухэду, Цицикаре и других местах. В общей сложности в 23 пунктах существовали представительства Харбинского Бюро или его отделения. К концу 1935 г. в Харбинском Бюро насчитывалось 140 служащих, в марте 1936 г. – 215 чел., в 1944 г. – 250 чел., в марте 1945 г. – 360 чел. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 211-212).

Одной из острейших проблем эмигрантов являлась безработица, следствием которой были крайне низкий уровень жизни россиян и высокая смертность. Наиболее высок удельный вес эмигрантов был в полосе отчуждения, где основная масса населения была занята на обслуживании дороги.

С целью решения вопросов трудоустройства и жизнеобеспечения русских железнодорожников в 1935 г. в структуре БРЭМа был создан железнодорожный отдел (рук. М.А. Матковский). На учёт были взяты все железнодорожники, как эмигранты, так и поданные Маньчжоу-Ди-Го. Через Бюро труда была проведена регистрация по специальностям, а в марте 1935 г. через железнодорожный отдел БРЭМ на службу по линии Государственных железных дорог было устроена 1016 русских эмигрантов. К концу года на учёте отдела уже стояло 1910 русских служащих Государственных железных дорог. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 100).

В декабре 1935 г. железнодорожный отдел был преобразован в 6-ой отдел с двумя подотделами: железнодорожный и трудовой. Последний взял на учёт безработных всех остальных специальностей, а также лиц некавалифицированного труда. К концу декабря 1935 г. было зарегистрировано 6750 безработных. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 108). Наиболее

тяжёлой задачей было трудоустройство женщин: из 6750 чел., числившихся в списках отдела, 2300 чел. шли по категории «женский труд».

Для решения задачи по ликвидации безработицы создавались трудовые артели, изыскивались подряды на работу, организовывались крестьянские, пчеловодческие и садоводческие хозяйства. Были созданы кассы взаимопомощи и службы страхования и охраны труда малолетних. Путём отчисления 1 % от заработной платы лиц, получивших работу при помощи БРЭМа, а также путём благотворительности был создан фонд безработных, давший возможность не умереть с голоду сотням эмигрантов.

Отчасти проблема безработицы решалась путём переселения в малообжитые сельскохозяйственные районы, например, в Тоогенский район. Переселенческая политика была частью движения за «служение сельского хозяйства делу становления нового порядка в Восточной Азии», организованного Управлением развития земледелия при активном участии Кио-Ва-Кай. Многие эмигранты переезжали в Тоогенский район лишь потому, что переселенцев призывного возраста временно освобождали от воинской повинности.

Большую помощь в трудоустройстве оказывали благотворительные учреждения: ХКПРБ, Епархальный приют им. митрополита Мефодия, Серафимовская народная столовая, Дом милосердия, Ольгинский приют и др.

Идеологическую работу проводил культурно-воспитательный отдел БРЭМ. Вместе с японскими организациями Кио-Ва-Кай он занимался идеологической обработкой эмигрантов в духе антисоветизма, антикоммунизма и преданности Японии в ответ за те «сочувствие» и «заботу», которую японские власти проявляли в отношении россиян, проживающих в Маньчжоу-Ди-Го. Для формирования у населения чувства «благодарности» к Стране восходящего солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разработала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах, при учебных и общественных заведениях эмигрантов была создана сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура, язык Японии, разъяснялась современная политическая ситуация. Если в начале 30-х годов эмигрантам рекомендовалось изучение японского языка для лучшего взаимопонимания двух «дружественных народов» (японского и русского), то в начале 40-х оно стало обязательным. Необходимым стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-Ди-Го.

После подписания Японией с гитлеровской Германией и фашистской Италией 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта», а также после известных событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол в 1938-1939 гг. среди эмигрантов были созданы антикоммунистические комитеты, поставившие своей целью борьбу с антигосударственными и другими «вредными» течениями. Центральный антикоммунистический комитет имел свой орден «Возрождение Азии». Он предназначался для награждения русских эмигрантов, активных борцов на антикоммунистическом поприще.

С целью активизации антисоветской работы среди эмигрантов Комитет разрешил проведение всевозможных политических акций – собраний, митингов, в которых участие эмигрантов стало обязательным. В календаре появился новый праздник – День антикоминтерна, отмечавшийся 1 июня как акция протеста против «злодеяний» Коминтерна. Проведением мероприятий руководил специально созданный для этой цели штаб. Как правило, в программу дня входила панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистическая демонстрация, общеэмигрантское собрание. 1 июня 1940 г. прошёл очередной такой день,

на котором с докладом «Новая тактика мировой тьмы и наши задачи» выступил лидер фашистской партии В.К. Родзаевский. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 255. Л. 146). В этом празднике приняло участие значительное число эмигрантских организаций, враждебно настроенных к советскому строю.

С целью антикоммунистического воспитания эмигрантов проводились и «Дни непримиримости». Они выпадали на 7 ноября каждого года. Церемония начиналась со служения панихиды по царской семье, воинам белых армий, погибших после взятия большевиками власти в 1917 г. Затем проводился митинг, на котором с призывами к борьбе с большевиками выступали лидеры фашистских организаций, прояпонских группировок, Очень часто антибольшевистские настроения подогревались ностальгическим национализмом.

С началом войны на Тихом океане Главное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало книгу «Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов», в которой содержалось политическое заявление, что с подчинением Азии Японии «...будет освобождена Россия». Поэтому главная задача русской эмиграции – содействие японскому командованию в утверждении нового порядка. [1, с. 8].

26-27 декабря 1944 г. в Харбине был созван эмигрантский съезд, на котором японские власти заявили, что в связи с войной «вся личная и общественная жизнь эмигрантов должна быть подчинена борьбе за победу Японии. В случае поражения Квантунской армии наступит смерть эмиграции». [3, с. 129]. Начальник Главного бюро Матковский издал инструкцию, в которой были конкретизированы обязанности эмигрантов в чрезвычайных условиях. Российские эмигранты должны были активно участвовать в создании Великой Азии. От них ждали жертвенности, самоограничения, содействия властям.

Со второй половины 1941 г. во многих районных отделениях БРЭМ стали создаваться военизированные отряды эмигрантов. А.П. Бакшеев (руководитель Захинганского районного бюро) докладывал, что провёл военизацию всех российских эмигрантов от 17 до 55 лет, организовал военную подготовку и сформировал сводный Хайларский полк. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 152).

К концу 1943 г. на территории Маньчжурии существовало три воинских отряда: на ст. Сунгари-2, на ст. Ханьдаохэцзы и в районе Хайлара. Официально эти формирования назывались «российскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Ди-Го» и комплектовались из молодых эмигрантов, имели русский командный состав, соблюдали устав русской армии. Бойцам русских воинских отрядов и их семьям оказывалась материальная поддержка, как финансовая, так и продуктовая. Отъезжающим на службу Бюро устраивало прощальную «чашку чая», где произносились напутственные речи, служили молебны.

Особым рвением к службе в воинских отрядах русская молодёжь не отличалась. Но следует учитывать фактор материальной заинтересованности, заставлявший русских юношей идти на службу, чтобы поддержать свою семью в условиях голодного военного времени.

Ко времени нападения фашистов на СССР численность наших соотечественников во многих странах уменьшилась. Многие представители старшего поколения умерли. Примерно, 10 % уехавших за прошедшие два десятилетия (1917-1939 гг.) вернулись на родину. Кто-то принял новое гражданство, перестав быть эмигрантом. К 1943 г. количество русских эмигрантов в Маньчжурии сократилось до 70 тыс., из них 40 тыс. чел. проживали в Харбине и его окрестностях, а 30 тыс. чел. – в других городах Маньчжурии и в полосе КВЖД. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 16). Из этого числа только незначительное количество эмигрантов было вовлечено в военную деятельность, большинство же занималось поисками

ми средств к жизни.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало разнообразную реакцию среди эмигрантов. Просоветские элементы призывали к сплочению рядов под знаменем Сталина. Некоторым пришлось разрываться между ненавистью к Советам и своим патриотизмом, из-за которого они не могли не сочувствовать своей Родине. Но были и такие, кто видел в Гитлере своего освободителя.

Эмигрантам, проявившим свои патриотические настроения, Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. было предоставлено право получить советское гражданство. Сотни россиян в Китае обратились с просьбой о предоставлении им советского гражданства в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае. Вернувшись в СССР, не один год отбыли они в сталинских тюрьмах и лагерях, но после освобождения остались жить на Родине [6].

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху в истории российской эмиграции. На родину возвратились далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Те, кто не вернулся «к большевикам» и остался, составили так называемую «старую эмиграцию».

Вместе с тем возникла и «новая эмиграция», которую, в основном, составляли «перемещённые лица». Но это уже новая страница в истории российского зарубежья.

Литература

1. Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов. Харбин, 1942. 35 с.
2. Заря. Харбин. 1932. № 43.
3. Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность, состав // ACTA SLAVICA JAPONICA. TOMUS XIV. 1996. С. 125 – 134.
4. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. 245 с.
5. Рупор. Харбин. 1934. 19 сентября
6. Тарданов Г. Путь к правде // Голос Родины. Харбин, 1963. 65(766). Ноябрь.
7. Хаиндрова Л. Отчий дом // Сборник «Харбин. Ветка русского дерева». Новосибирск, 1991. 224 с.
8. Что такое Кио-Ва-Кай. Харбин, 1931. 25 с.